даст основу для дальнейшей интеллектуальной экспансии на долгосрочную перспективу. Следует отметить, что сегодня мы сохраняем передовые позиции как в ряде конкретных научных направлений, так и в общем системном подходе к образованию и к организации фундаментальных исследований. Однако развитие передовой науки без использования ее достижений в экономике столь же неэффективно, сколь и построение национальной экономики исключительно на основе научных достижений других стран. Реализация конкурентных преимуществ в научной сфере для развития национальной экономики требует формирования адекватной системы создания и коммерциализации технологий.

Литература

1. Ансофф И. Стратегический менеджмент. Классическое издание / И. Ансофф; пер. с англ. под ред. А.Н. Петрова. СПб.: Питер, 2009.

2. Бир М., Эйсенстат Р., Спектор Б. Почему программы изменений не приводят к изменениям», см.: Открытый Университет, Курс BZR 751 «Управление развитием и изменением», UK, Milton Keynes, 1994.

3. Блинов А.О. Реструктуризация предприятия: как она воспринимается работниками / Блинов А.О., Захаров В.Я., Захаров И.В. // Человек и труд. 2010. № 2.

4. Блинов А.О. Механизмы управления инновационно-технологической модернизацией российской промышленности / А.О. Блинов, О.С. Рудакова // Современная стратегия социально-экономического развития России: вопросы экономики и права. Киев: ЮИМ, 2009.

УДК 338.45

Харченко И.С., Харченко Л.И.

Промышленность как основа национальной экономики

В статье рассматривается место и роль промышленности как важнейшей подсистемы материального производства. Индустриальный сектор, с его широкой сетью горизонтальных и вертикальных кооперационных связей, формирует единое экономическое пространство, вовлекает в хозяйственный оборот различные территории, укрепляет межнациональные отношения. Развивая наукоемкие и высокотехнологичные отрасли промышленности, Россия тем самым обозначает постепенный отход от сырьевой модели развития, ускорит инновационные процессы, повысит спрос на научно-технические и технологические достижения и получит возможность присваивать не только природную, но и интеллектуальную ренту.

Ключевые слова: реальная и спекулятивная экономика, твердая и мягкая сила государства, промышленность как фундамент материального производства, природная и интеллектуальная рента.

Глобальный финансовый кризис не только основательно потряс мировое хозяйство, но и вызвал к жизни процессы и явления качественно нового порядка. Многие аналитики и эксперты заговорили о необходимости существенного сокращения масштабов и объемов спекулятивной экономики с ее многочисленными пузырями и виртуальностями, фиктивными сделками и неопределенностями, неустойчивостью и запредельными рисками. При этом разрыв между производящей экономикой и фиктивной постоянно возрастает и достигает фантастических значений. В 2013 г., например, объем мирового валового продукта (МВП) равнялся 87,43 трлн. долл. Но над этой реальной экономикой бурно развивается сектор спекулятивного капитала, который приобретает, самодовлеющий статус, функционирует по особым законам и принципам и имеет весьма опосредованное отношение к производству

товаров и услуг. Здесь наряду с традиционными финансовыми продуктами и инструментами появилось много инновационных, вовлеченных в бесконечную карусель спекулятивных операций и сделок. Достаточно сказать, что накануне глобального финансового кризиса рынок внебиржевых деривативов достигал 596 трлн. долл., а оборот биржевых деривативов (опционы и фьючерсы) составлял, по оценкам Банка международных расчетов, 2,3 квадриллиона долл. [1, с. 26]. Если раньше экономические процессы можно было охарактеризовать с помощью формы движения промышленного капитала (Д – Т – Д` – в основе лежало товарное производство), то для спекулятивной экономики доминирующей формой движения капитала является Д – Д`, или Д – Ценные бумаги – Д` (деньги "высиживают" деньги, совершенно отрываясь от производства товаров и услуг).

По мнению профессора Дмитрия Валового, сегодня на глобальных финансово-валютных рынках ежедневно прокручивается более пяти триллионов долларов. Это треть годового объема мировой торговли. Но только 1-2% валютных операций обслуживают реальные потоки товаров и услуг. Всё остальное – аферы, спекуляции и махинации [2].

Это свидетельствует о том, что поворот к экономике производящего типа – веление времени. Он вызван объективными обстоятельствами и будет способствовать оздоровлению социально-экономических, финансово-кредитных и политических отношений, как на национальном, так и на глобальном уровне. Как бы не развивалось постиндустриальное общество, в каких бы конфигурациях ни проявлялись его подсистемы и структурные характеристики ядром, вокруг которого возникают и действуют различные виды человеческой деятельности, всегда будет материальное производство.

В этом отношении заслуживает внимания позиция Н. Спасского, который при комплексной оценке мощи государства выделяет факторы твердой и мягкой силы. Фундаментом твердой силы как раз и выступает материальное производство. Оно первично и оказывает решающее влияние на динамику всех процессов в обществе. "Чтобы быть великой державой в современном мире, – утверждает он, – государству требуется "железо"… То есть государство должно производить те материальные ценности (требующие приложения рабочих рук и материальных ресурсов), которые определяют современный экономический, научный и военно-технический прогресс. Не обладая таким производством – пусть современным, высокоэффективным, минимизирующим использование человеческого труда и материальных ресурсов, – государство, даже самое высокоразвитое, не может рассчитывать на то, чтобы в течение длительного периода сохранить за собой командные высоты в мировой политике и экономике… Материальное производство – основа национальной силы. Когда общество перестает производить, оно подрывает свою основу и в долгосрочной перспективе обрекает себя на саморазрушение" [3, с. 31, 40].

Применительно к России данные аспекты приобретают особую актуальность и значимость. За годы рыночных реформ и демократических преобразований именно сфера материального производства подверглась сильному разрушению: уничтожена огромная часть промышленного потенциала, треть сельскохозяйственных земель выведена из оборота, разорено животноводство, примерно треть ученых покинула страну. Все это подорвало отечественную экономику и способствовало масштабному импорту товаров. Появился даже афоризм: "Россия производит впечатление великой державы, а больше она ничего не производит".

К элементам мягкой силы Н. Спасский относит финансовые и банковские учреждения, высшее образование, НИОКР, Интернет, массовые коммуникации и массовую культуру и др. И делается следующий вывод: элементы мягкой силы могут подкрепить и частично компенсировать недостаток твердой силы, "но мягкая сила сама по себе не может заменить отсутствующую силу твердую. Подкрепить или даже подменить на какое-то время – да. Заменить надолго – нет" [3, с. 31].

Если следовать такой схеме, то, на наш взгляд, в реальной жизни следует не противопоставлять эти элементы, а стремиться к оптимальному их сочетанию. Материальное

производство, его параметры и эффективность создают благоприятные возможности для развития социальной сферы, здравоохранения, образования, науки, культуры, других подсистем жизнеобеспечения населения. С другой стороны, все виды человеческой деятельности, которые можно объединить под фактором мягкой силы оказывают обратное влияние на материальное производство, придают ему необходимую динамику, качественную определенность, стимулы для развития и постоянного обновления. Поэтому по-настоящему мощным, самодостаточным и стабильным можно считать такое государство, которое в достаточной степени располагает теми и другими факторами. Они взаимодействуют между собой и тем самым несут созидательные начала экономике в целом.

Среди отраслей материального производства центральное место занимает промышленность. И это не случайно. Промышленность – это одно из величайших достижений цивилизации. Современное государство (особенно такое как Россия) не может быть богатым, процветающим, сильным, самодостаточным и авторитетным, не располагая высокоразвитой, наукоёмкой промышленностью. Иметь собственное станкостроение, машиностроение, приборостроение, электронную, авиационную, судостроительную и инструментальную промышленность, производство лекарств, сложной медицинской и бытовой техники и другие отрасли материального производства – значит быть независимым, обладать абсолютным суверенитетом и наращивать все компоненты твердой силы государства и тем самым закладывать основы своего реального доминирования и в политике, и в экономике, и в дипломатии, и в военной сфере. В мире всегда действовал фактор силы. С сильными считаются, их уважают и остерегаются. Со слабыми не церемонятся, их игнорируют, безжалостно эксплуатируют, а то и просто уничтожают. А сильны те, кто располагает мощной, эффективной и высокотехнологичной экономикой и прежде всего промышленностью. Недаром промышленно развитые страны называют элитой мирового хозяйства. Они превосходят в научно – техническом, технологическом и военном отношении другие государства, постоянно наращивают этот разрыв, что позволяет им господствовать на глобальных рынках, как средств производства, так и потребительских товаров.

Отсутствие промышленного потенциала и связанных с ним других элементов твердой силы или их недостаточное развитие повышает риски и делает страну уязвимой во всех отношениях. Яркое тому подтверждение – Ливия. Страна многие десятилетия зарабатывала на экспорте нефти огромные финансовые средства. Нефтедоллары текли рекой, но их использовали далеко не лучшим образом. Не была создана современная обрабатывающая промышленность. Отсутствовал оборонно-промышленный комплекс. Поэтому когда против Ливии началась агрессия, защищаться было нечем. Натовская авиация совершенно безнаказанно бомбила и расстреливала страну со всех направлений; не встречая никакого противодействия. Итог трагический. Страну растерзали, режим свергли, а президента зверски убили.

А вот другой пример – КНДР. Страна закрытая. Тоталитарный режим. Но Северной Корее ценой колоссального напряжения всех сил удалось создать собственную многоотраслевую промышленность, а на ее основе – ракетно-ядерный потенциал. Он небольшой, но вполне достаточный чтобы служить сдерживающим фактором. Много раз на Корейском полуострове Север и Юг стояли на грани войны. И американцы были готовы обрушить на Северную Корею свою военную мощь. Но каждый раз не могли решиться на подобный шаг. Почему? Опасались неприемлемого ущерба и потерь, в случае применения северными корейцами не только обычного, но и ядерного оружия. Не будь у КНДР таких весомых и сдерживающих аргументов, США давно бы расправились с ней, безжалостно вбомбив ее в каменный век.

Поэтому промышленность надо всемерно поддерживать, создавать условия для ее постоянного обновления, технического и технологического перевооружения. Ибо в ней кроется подлинная сила государства. Продавать нефть и газ и приобретать на эти деньги

импортные товары – это бесперспективный и тупиковый путь. Он ведет к деградации и утрате промышленных навыков народа.

На примере таблицы №1 можно видеть, как за длительный период менялись позиции стран в мировом промышленном производстве. Здесь наблюдаются разные тенденции.

Возьмем США. Их доля сократилась с 26,9% в 1950г до 19,4% в 2010г. Причин тому много, но главные из них следующие. Во-первых, бурными темпами развивалась сфера услуг, а это один из главных признаков формирования постиндустриального общества. Во-вторых, американцы в массовом порядке переводили свои предприятия в другие страны, создавая тем самым "вторую экономику" внушительных размеров под контролем ТНК.

Таблица 1

Доля в мировом промышленном производстве, % [3, с. 34]

	1950 г.	1980 г.	2000 г.	2010 г.
США	26,9	18,9	21,9	19,4
Великобритания	9,6	4,6	3,3	2,3
Германия	6,9	8,8	6,6	6,1
СССР/Россия	15,1	16,2	4,4	2,2
Япония	1,7	7,6	7,8	10,2
Китай	1,9	2,1	11,1	19,8

Но, несмотря на эти процессы США, остаются крупнейшей индустриальной площадкой. Их позиций особенно сильны в таких отраслях как авиастроение, ракетно-космическая техника, автомобилестроение, микроэлектроника, транспортное и энергетическое машиностроение, приборостроение, телекоммуникационные системы, производство сверхчистых материалов, фармацевтическая и медицинская промышленность и др.

Тем не менее, после кризиса 2008-2009гг. в США всерьёз заговорили о реиндустриализации и переводе страны на новые промышленные рельсы. Аргументы таковы: если и дальше в качестве приоритета рассматривать финансовый сектор, то их технологическое лидерство окажется под угрозой. Незамедлительно последовали и практические шаги. Американские корпорации постепенно стали возвращать на родину из-за границы предприятия. Эти перемены стимулируют два фактора. Во-первых, наличие высококвалифицированной рабочей силы и ее стоимость. Уровень заработной платы в США не уступает конкурентам, но благодаря более высокой производительности труда стоимость американской рабочей силы оказывается на 20-45% ниже, чем во многих развитых экономиках [4, с. 3].

Во-вторых, подлинный переворот в условиях хозяйствования произвела "сланцевая революция". Благодаря новейшим технологиям США стали извлекать из сланцевых пород газ и нефть. Тем самым они в настоящее время превращаются в одну из энергетических супердержав, бросая на рынке углеводородов реальный вызов, как России, так и Саудовской Аравии. Дешевый газ – решающее преимущество американского бизнеса. За 2005-2012гг США снизили цены на газ на 60%. За этот же период в Европе они выросли на 35%. В итоге получается, что 1000 куб. м газа обходится европейским потребителям в 500 – 600 долл. (а в Японии еще выше), а в США – 80 – 100 долл. В результате средние издержки на производство промышленной продукции у американских компаний к 2015 станут на 8% ниже, чем в Великобритании, на 15% меньше, чем в Германии, на 21% ниже, чем в Японии, и почти на четверть меньше, чем в Италии [4, с. 3]. Поэтому эксперты едины: США ждет промышленный ренессанс. И не случайно, что многие европейские и японские компании переводят сюда свои предприятия.

Реиндустриальные процессы происходят и в Европе. В конце 2012г Евросоюз поставил задачу: к 2020г довести долю промышленности в валовой добавленной стоимости

с нынешних 16% до 20%. При этом основной упор делается на развитие знаниемкой промышленности [5, с. 49].

Наращивает свои индустриальные мускулы Япония. Её удельный вес в мировом промышленном производстве вырос с 1,7% в 1950г до 10,2% в 2010 г. Сохраняя накопленный потенциал в автомобилестроении, электронике, судостроении, производстве высокотехнологичных приборов и оборудования, страна готовится развивать те отрасли промышленности, которые будут знаменовать собой шестой технологический уклад. Аналогичные тенденции происходят в Южной Корее. Но особенно фантастический рывок совершил Китай. На его долю в 1980г (начало рыночных реформ) приходилось всего 2,1% мирового производства, а в 2010г – уже 19,8%. Девятикратный рост! Всемирную славу Китаю принесли не коммерческие банки, не фондовый и валютный рынок, а промышленность, удельный вес которой в ВВП превышает 45%. С самого начала рыночных реформ все усилия были направлены на наращивание, прежде всего промышленной мощи, как фундамента всей экономики. КНР сразу же решительно пресекла все попытки Запада превратить страну в гигантский рынок для товаров из развитых стран. Китайцы упорно и настойчиво учились все производить самостоятельно – от мягких игрушек, до автомобилей, машин, оборудования, высокотехнологичных бытовых изделий, суперкомпьютеров, авиационной и космической техники.

Это был дальновидный, хорошо продуманный выбор. Китай, умело сочетая механизмы рыночного саморегулирования с разумной политикой государства, стал мастерской планеты, превратился в промышленный центр глобального значения и крупнейшего товаропроизводителя. За 1979–2010 гг. ВВП ежегодно прирастал в среднем на 10%. Затем темпы несколько замедлились: 2011 г. – 9,2, 2012г – 7,8%, 2013 г. 7,7%. До 2020 г. среднегодовой рост планируется в пределах 7%. Нам бы такое снижение. Достаточно сказать, что в 2013 г. экономика России выросла всего на 1,3%. Можно привести и другие показатели китайского феномена. В 2013 г. экспорт товаров составил 2,21 трлн. долл. (первое место в мире) [6]. Золотовалютные резервы страны приближаются к 4 трлн. долл., что позволяет Китаю скупать активы по всему земному шару.

Совершенно иные процессы характерны для России. Доля нашей страны в мировом промышленном производстве снизилась с 16,2% в 1980 г. до 2,2% в 2010 г., или почти в 7,4 раза. Утрата ранее достигнутых позиций продолжается до сих пор. Это результат деиндустриализации, которая в России носила массовый и явно разрушительный характер. Безжалостно и с каким-то остервенением избавлялись от советского промышленного могущества: крушили заводы, фабрики, НИИ, КБ, практически оказалась разгромленной отраслевая наука бывших промышленных министерств. Станкостроение, приборостроение, инструментальное производство, авиастроение были отброшены на десятилетия назад. От советской электронной промышленности, например, сохранилась только четвертая часть. Производство металлорежущих станков сократилось в 37 раз, в том числе с ЧПУ – в 55,7 раза. К 2011 г. уничтожены 42 крупных станкостроительных завода [7, с. 31].

В результате массовой приватизации, по словам Сергея Степашина, “более 60 процентов промышленного потенциала страны оказалось за бортом, многие предприятия были обанкрочены, потеряли инженерный корпус. Вторая в мире советская экономика упала почти на сто позиций. Ни одна страна мира, в том числе страны Восточной Европы – Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, я уже не беру Китай, Вьетнам, такого рода приватизации не проводили” [8].

Самое непосредственное участие в деиндустриализации России принимали заинтересованные в этом определенные круги на Западе, рекомендациям и советам которых слепо следовали российские реформаторы. Вячеслав Дашичев утверждает, например, что режим Б. Ельцина консультировали более 300 американских советников, среди которых было много сотрудников ЦРУ [9, с. 91].

При этом удар наносился, прежде всего, по наукоемким и высокотехнологичным отраслям, которые составляли основу экономики страны и в первую очередь военно-промышленного комплекса. Так, была ликвидирована знаменитая "девятка" – детище А.Н. Косыгина. Когда стало ясно, что Советский Союз начинает отставать от США в разработке новейших систем вооружения, было решено собрать производственные, научно-технические, технологические и интеллектуальные ресурсы в один кулак. В состав "девятки" вошли следующие промышленные министерства: общего машиностроения, оборонной, авиационной, электронной, электротехнической и приборостроения, судостроительной, радиопромышленности, среднего машиностроения, химической промышленности. Благодаря такой концентрации усилий СССР удалось решить поистине задачу исторического масштаба – достичь военно-стратегического паритета с США.

Специалисты полагают, что в ходе реформ разрушительного сценария можно было бы избежать и включить советский промышленный потенциал в рынок совершенно на иных принципах. "Я, – говорит лауреат Нобелевской премии академик Жорес Алферов, – и сегодня убежден: если бы во главе страны в те годы были нормальные, думающие люди, многие из бывших союзных министерств – пусть не все, но многие, включая министерство электронной промышленности, - могли бы стать сегодня мощными корпорациями и успешно конкурировать на рынке и с IBM, и с Philips" [10]. Россия же пошла своим "оригинальным" путем: она попыталась вскочить на подножку постиндустриального общества, до основания разрушив мощнейшую промышленность.

Подобная ситуация имела место не только в России. За годы рыночных реформ разгрому подверглись производительные силы Украины. В 1990г она входила в первую десятку ведущих стран мира. Её ВВП составлял 2% общемирового, превосходя на душу населения, среднемировой уровень на 11%. Сейчас Украина производит лишь 0,2% МВП, а на душу населения на 40% ниже среднемирового показателя. В 2012 г. основные параметры экономики по отношению к 1990 г. выглядели следующим образом: ВВП – 68,3%, электроэнергия – 65%, прокат черных металлов – 43%, производство тракторов – 5,7%. Прекратили свою деятельность 50 тыс. приватизированных предприятий. Потеряно 12 млн. рабочих мест. Фактически перестало существовать станкостроение. Если в 1990 г. на 16 крупнейших предприятиях страны было выпущено 37 тыс. станков, то в 2012г – лишь 40 штук [11, с. 39, 41].

Единственной страной на постсоветском пространстве, которая сумела не только сохранить свою промышленность, но и практически удвоить объемы выпускаемой продукции, оказалась Белоруссия.

Потеряв производственную доминанту, Россия стимулирует развитие торгового капитала. Все бросились торговать. Здесь хватило места, как для крупного, так и для малого бизнеса. Удельный вес торговли в ВВП достиг 30%. Аналогичный показатель в США – 17-18%, в Германии -12%, в Швеции – 10,3%, в Китае – 7-8% [12].

Торговля – важная и нужная отрасль экономики. Ее роль и значение в рыночных условиях не подвергается сомнению. Но она не в состоянии заменить производство и компенсировать те потери, которые несет государство из-за недостаточного развития производящего сектора. Не может страна полноценно жить и развивать только за счет офисов, торговых и развлекательных центров.

Нам необходима качественно иная экономическая политика, предсказуемая и реалистичная, направленная на реализацию наших конкурентных преимуществ через возрождение промышленной мощи. "Сама по себе перспектива предстоящего развития, – утверждает С. Губанов, – ясна, равно как и то, от чего и к чему должна идти Россия, какой путь ведет вперед. Это – путь крупномасштабной новой индустриализации, с полной автоматизацией и компьютеризацией производительных сил отечественного народного хозяйства, с интенсивным замещением трудоемкого наукоемким и машиноемким" [13, с. 8]. Для этого надо приостановить процесс деиндустриализации и решительно встать на магистраль неоиндуст-

риального развития. Страна богата природными ресурсами и если к добывающему сектору экономики добавить комплекс высокотехнологичных обрабатывающих производств, то наши позиции на глобальных рынках возрастут многократно. Появится возможность присваивать не только природную, но и ренту технологическую. Было бы просто прекрасно, имей Россия такие крупные высокотехнологичные корпорации как Microsoft, IBM, Intel, Dell, Apple, Samsung, Siemens, Nokia, Ericsson, Panasonic, Pfizer, Philips и др.

В пользу индустриального вектора развития модно привести весомые аргументы. Промышленность, с ее широкой сетью горизонтальных и вертикальных кооперационных связей, формирует единое экономическое пространство, укрепляет его, вовлекает в хозяйственный оборот различные территории. Именно данного аспекта нам как раз не хватает. Россия – страна многонациональная. Поэтому когда начался процесс деиндустриализации, то он негативно сказался на национальных отношениях и способствовал их обострению. Советскую власть можно критиковать и ругать сколько угодно. Она не была идеальной и допускала серьезные ошибки, просчеты и упущения. Но нельзя не признать, что она была одержима идеями промышленного развития и в проведении национальной политики у нее было много разумных, созидательных, стратегически выверенных и продуманных подходов. На окраинах страны строились заводы и фабрики, заново зарождалась промышленность, где ее никогда не было. Создавалась национальная техническая интеллигенция, инженерные кадры. Преодолевалась вековая отсталость. Население овладевало промышленными навыками, что коренным образом меняло уклад и образ жизни людей. Нации, народности, различные этносы органично и планомерно включались в единый народнохозяйственный комплекс, который служил надежным фундаментом здоровых межнациональных отношений.

В процессе деиндустриализации эта платформа стала разрушаться. Закрытие и ликвидация промышленных предприятий отбросила территории далеко назад. Журнал “Русский репортер” поведал о печальной ситуации в Республике Тува. В бытность СССР здесь было построено много заводов, открывались различные промышленные производства. За годы рыночных реформ от советского промышленного наследия мало что сохранилось. Основная масса промышленных предприятий пущена на металлолом. Русские специалисты и рабочие уехали, а местные вернулись в средневековье. Последние годы тувинцы жили в основном за счет скотоводства, дотаций из Федерального бюджета и занимались сбором дикорастущей конопли. Причем конопля давно неофициально стала основным региональным экспортным продуктом, а сама Тува негласно получила статус “Сибирской Колумбии” [14, с. 51-52].

Зачем было разрушать с таким трудом созданную промышленность, возвращать людей в патриархальные отношения и вынуждать их заниматься конопляным бизнесом? Поразительно близорукая и недальновидная политика государства. Ведь рано или поздно все это придется восстанавливать. На это уйдут десятилетия и потребуются огромные ресурсы. Здесь можно согласиться с мнением Татьяны Воеводиной о том, что “промышленность – это очень трудное дело, это в первую очередь не заводы и фабрики, а навыки народа. Вот эти-то навыки, технические и умственные привычки народа, теряются, выветриваются, не передаются следующим поколениям. Да что там “теряются”- потерялись уже” [15, с. 11].

Многие годы на Северном Кавказе мы сталкиваемся с очень сложными процессами: массовая безработица, высокий удельный вес “теневой экономики”, процветает коррупция, действует террористическое подполье, гремят взрывы, гибнут люди. Причин тому огромное множество, целый “букет”. Среди них не последнее место занимает деиндустриализация региона. В период СССР Северный Кавказ можно было смело называть индустриальным. Промышленными центрами были такие города как Грозный, Махачкала, Дербент, Каспийск, Владикавказ, Нальчик, Прохладный, Черкесск и другие. Здесь успешно функционировали как добывающая, так и обрабатывающая промышленность. Широко были представлены предприятия оборонно-промышленного комплекса. Многие заводы находились в со-

южном подчинении и успешно работали в системе территориального разделения труда. Северный Кавказ занимал достойное место в экономике СССР, вносил свой вклад в промышленную мощь страны и отнюдь не был реципиентом.

В процессе рыночных реформ и демократических преобразований все это рухнуло. Остановились заводы, многие из них были ликвидированы, а те, что остались – влачат жалкое существование. Это привело к тяжелым социально-экономическим и политическим последствиям. Остановилась промышленность, и начался отток русского населения, нарушился межнациональный баланс. В 1991 г. в Грозном проживало около 240 тыс. русских. Русские составляли порядка 25% населения Дагестана. Сейчас этого нет и в помине.

Мы полагаем, что многие промышленные предприятия на Северном Кавказе надо было держать любой ценой. Даже в том случае, если бы они стали абсолютно убыточными, принимать чрезвычайные меры вплоть до придания им статуса казенных предприятий. Ведь это тревожный регион России, ее слабое и уязвимое звено. Практически выросло целое поколение кавказской молодежи, которое не обладает индустриальным сознанием и промышленными навыками. Привить их заново – задача тяжелейшая. Решить ее только рыночными средствами невозможно.

В настоящее время принята Стратегия социально-экономического развития Северного Кавказа до 2025 г. Выделяются огромные средства. Важное место здесь отводится туризму и созданию зон отдыха. Это правильно. В этом регионе очень благоприятные природные условия и надо всячески реализовать эти конкурентные преимущества территорий. Но не стоит забывать и о базовых отраслях материального производства. И прежде всего о промышленности. Туризм – экономика сервисного типа. Жить только одним туризмом вряд ли получится.

В этом нас убеждает печальный опыт Греции. Когда она вступала в Евросоюз, то лидеры сообщества рекомендовали ей не заниматься промышленностью, а специализироваться на туризме. Греки последовали “мудрому” совету и получили однобокую экономику. Туризм не способствовал устойчивому социально-экономическому развитию и не смог компенсировать потери, связанные с утратой промышленного потенциала.

Поэтому нужен комплекс, система разнообразных видов экономической деятельности. И в этом плане было бы желательно возродить промышленный Северный Кавказ. Регион трудоизбыточен. Много молодой рабочей силы. Промышленность потянет за собой потребность в кадрах, что заставит перестроить существующую систему образования. Готовить придется не только менеджеров и юристов, а специалистов инженерно-технического профиля, высококвалифицированных рабочих для обслуживания новой техники, программистов, математиков, технологов. Хорошо обученная молодежь Северного Кавказа будет мотивирована интересной и высокооплачиваемой работой.

Кроме этих аспектов, следует иметь в виду еще одно обстоятельство, о котором мы уже упоминали. Развитая промышленность – это система горизонтальных кооперационных связей, что позволит органично включить экономику республик Северного Кавказа в единое хозяйственное пространство России.

Вот уже почти четверть века Россия пытается перейти на инновационный путь развития, провести на качественно новой технической и технологической базе, широкомасштабную модернизацию. Об этом много говорят на всех уровнях, предпринимаются какие-то меры, но все тщетно. Заметных позитивных перемен не наблюдается “Заклинания о модернизации, – отмечает Владислав Иноземцев, – не помогают: роль сырьевого сектора в экономике продолжает расти” [16, с. 6].

Главная причина такой ситуации состоит в следующем: политическая, экономическая, финансовая, административная и другие российские элиты основательно оседлали природную ренту, паразитируют на ней, получая огромные доходы и другие синекуры.

Поэтому они не только не заинтересованы в преодолении сырьевой модели развития, но и всячески блокируют любые попытки модернизации экономики.

Между тем развитые страны устремились за интеллектуальной рентой, которая, в отличие от природной, постоянно растет и демонстрирует свою неисчерпаемость. Интеллектуальная рента является результатом коммерциализации научно-технических и технологических достижений. И здесь главную роль играет индустриальный сектор, так как 75 – 80% инноваций востребуются промышленностью.

За присвоение интеллектуальной ренты идет острая конкуренция. в ней побеждают те, кто располагает мощными исследовательскими центрами, не жалеет средств на науку и быстро реализует ее плоды. О том, что усилия в этом направлении предпринимаются серьезные, можно судить о размерах тех ресурсов, которые крупнейшие компании планеты направляют на НИОКР (см. табл. 2).

Из нее видно, что на исследования и разработки выделяются огромные деньги. Samsung, например, в 2013 г. затратила на эти цели 10,4 млрд. долл. Для сравнения: бюджет РАН составляет всего лишь порядка 2 млрд. долл., или в 5,2 раза меньше, чем у южнокорейского гиганта. А 20 высокотехнологичных корпораций мира израсходовали на НИОКР свыше 159 млрд долл., что в 6 раз превышает финансирование всей российской науки. Стремясь войти в клуб технологических лидеров, стремительно улучшает свои позиции Китай. За 2008–2012 гг. в среднем ежегодные темпы роста инвестиций в инновации достигали 70%. В 2013 г. они замедлились, но были на уровне 35,8%.

Таблица 2

Мировые лидеры по вложениям в НИОКР (млрд. долл.) [17, с. 20]

Компания	2013г	Доля в выручке, %
Volkswagen	11,4	4,6
Samsung	10,4	5,8
Roche Holding	10,2	21,0
Intel	10,1	19,0
Microsoft	9,8	13,3
Toyota	9,8	3,7
Novartis	9,3	16,5
Merck	8,2	17,3
Pfizer	7,9	13,3
Johnson & Johnson	7,7	11,4
General Motors	7,4	4,8
Google	6,8	13,5
Honda	6,8	5,7
Daimler	6,6	4,5
Sanofi	6,3	14,1
IBM	6,3	6,0
GlaxoSmithKline	6,3	15,0
Nokia	6,1	15,8
Panasonic	6,1	6,9
Sony	5,7	7,0
	159,2	

Такое внимание к НИОКР вполне обоснованно. Наука – самая эффективная сфера человеческой деятельности. Если ее достижения своевременно и в широких масштабах реализуются на практике, то только экономический эффект, как правило, многократно превышает расходы. Эту закономерность убедительно обосновал бывший замдиректора Ростов-

ского НИИ физики Владимир Дмитриев. “Современная наука, – утверждает он, – это очень дорогая штука.… Но! Эти траты окупаются, если в стране есть промышленность! …Поэтому вывод: России надо развивать промышленность. Стран, где нет промышленности, а наука, процветает, нет!” [18, с. 3].

Получение интеллектуальной ренты связано с использованием результатов НИОКР. Здесь можно выделить несколько конкретных направлений. Во-первых, самые блестящие научные знания не окажут никакого влияния на экономику, ее эффективность, если они не воплотились в средствах производства, в технологических процессах, новых материалах, формах и методах организации и управления, в качестве рабочей силы. Только в горниле практики наука может проверить истинность своих достижений, получить общественное признание, определить насколько ее результаты изменили жизнь людей, характер труда и его производительность, как это отразилось на выпускаемой продукции и ее качественных характеристиках. Материализация плодов науки объективно ведет к появлению наукоемких и высокотехнологичных отраслей. Образно говоря, наукоемкое производство – это “1% сырья + 99% интеллекта”. Именно такая экономика и является источником интеллектуальной ренты.

По мнению В. Кудрова, сегодня мировой ВВП на 85% ежегодно прирастает за счет выпуска наукоемкой продукции, а ее объем на глобальном рынке достигает 12,6 трлн. долл. Доля России на нем составляет всего 0,3% [19, с. 112]. Это означает, что наша страна почти не участвует в создании, распределении и перераспределении интеллектуальной ренты. “Сливки” снимают США, Германия, Япония, Великобритания, Франция, Швейцария, Южная Корея, Тайвань и др.

Во-вторых, интеллектуальная рента возникает на мировом рынке инноваций и научно-технических знаний. В этом случае речь идет не о материальных товарах, а о передаче на коммерческой основе прав на использование, прежде всего объектов интеллектуальной промышленной собственности. В первую очередь это касается тех ее составляющих, которые защищены патентами. И здесь мы не блещем, серьезно уступаем мировым лидерам. “Сегодня, – подчеркнул президент РФ В. Путин, - у нас в среднем из 265 полученных научных результатов только один – только один – становится объектом правовой охраны. Вклад добавленной стоимости, которая образуется от оборота интеллектуальной собственности, в ВВП России – менее одного процента. Это не просто мало, это очень мало. В США этот показатель – 12 процентов, в Германии – 7 – 8, а у наших соседей в Финляндии - 20” [20].

Есть еще одно направление, когда корпорации и даже государства нарушают монопольные права патентообладателей и незаконно используют их интеллектуальную собственность. Обычно это достигается посредством копирования новейших изделий и технологий, за счет научно-технической разведки или откровенного промышленного шпионажа.

В СССР, например, развитию науки уделяли огромное внимание. Финансовых средств на нее не жалели. Страна располагала мощной научно-исследовательской, экспериментальной и производственной базой полного цикла. Тем не менее, очень внимательно следили за научно-техническими и технологическими новинками за рубежом и старались их заполучить. Считалось, что Советский Союз имел самую лучшую в мире систему научно-технической разведки. С ее помощью с начала 1970 – х годов удалось добыть на Западе 30 тыс. единиц усовершенствованного оборудования и 400 тыс. секретных документов. Это позволило сберечь миллиарды долларов и годы научных поисков [21, с. 234-235]. Считается, что один рубль, вложенный в научно-техническую разведку, приносит 20 руб. прибыли [22, с. 23].

Сейчас ведущие позиции на этом поприще занимает Китай. В 2013г в США появились публикации об утечке информации о новейших разработках в области вооружений. Среди украденных секретов оказались военные разработки региональной ПРО в Азии, Европе и Персидском заливе, системы “Патриот” и “Иджис”, другие критически важные технологии. По оценке экспертов, это дало возможность КНР сэкономить миллиарды долларов и 25 лет НИОКР [23, с. 32].

Развивая наукоемкие и высокотехнологичные отрасли промышленности, Россия тем самым ускорит инновационные процессы, повысит спрос на научно-технические достижения и будет присваивать не только природную, но и интеллектуальную ренту. Мы получим современную динамичную экономику, способную решить сложнейшие задачи XXI века.

Литература

1. Кокшаров А. От «семерки» к «двадцатке» //Эксперт. 2008. 24 – 30 ноября. № 46.
2. Правда. 2013. 11-14 октября.
3. Спасский Н. О твердой силе и реиндустриализации России // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. №6, ноябрь-декабрь.
4. Ведомости. 2012. 24 сентября.
5. Эксперт. 2014. №3. 13-19 января.
6. Ведомости. 2014. 13 января.
7. Экономист. 2012. № 6.
8. Российская газета. 2012. 17 февраля.
9. Дашичев В. Обвал России в 1990-е годы. Причины и последствия в оценках современников // Экономические стратегии. 2013. № 5.
10. Российская газета. 2010. 29 сентября.
11. Витренко Н. Евразийская интеграция как шанс выживания // Свободная мысль. 2013. № 4.
12. Бизнес-журнал. 2013. № 1
13. Экономист. 2012. № 11.
14. Русский репортер. 2011. 26 мая – 2 июня. № 20.
15. Литературная газета. 2011. 19-25 октября. № 41.
16. Ведомости. 2013. 6 августа.
17. Ведомости. 2013. 24 октября.
18. Аргументы и факты на Дону. 2012. № 45.
19. Кудров В. Эволюция современного капитализма. Россия должна включиться в мировой эволюционный процесс // Общество и экономика. 2013. № 5.
20. Послание президента РФ Владимира Путина Федеральному собранию 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 декабря.
21. Чернопруд С. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. М.: Олма – Пресс, 2002.
22. Аргументы недели. 2012. № 31.16-22 августа.
23. Шариков П.А. Китайские киберугрозы национальной безопасности США // США и Канада: экономика-политика-культура. 2013. № 11.